

Литрес ≡ Классика

Федор Сологуб

КАПЛИ КРОВИ

Федор Сологуб

Капли крови

«ЛитРес»

1906

Сологуб Ф. К.

Капли крови / Ф. К. Сологуб — «ЛитРес», 1906

Первая часть трилогии «Творимая легенда». Главный герой, инженер и поэт Триродов, живёт в уединённой усадьбе, где стирается грань между реальностью и фантазией, а обыденная жизнь соседствует с мистическими опытами. Он одержим мечтой преобразить мир и создать иную, легендарную действительность, однако сталкивается с враждебной пошлостью провинциального быта, политическими интригами и тёмными сторонами человеческой души.

© Сологуб Ф. К., 1906

© ЛитРес, 1906

Содержание

Капли крови	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Федор Сологуб

Капли крови

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

Капли крови

Глава первая

Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я – поэт. Косней во тьме, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром, – над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую мною легенду об очаровательном и прекрасном.

В спутанной зависимости событий случайно всякое начало. Но лучше начать с того, что и в земных переживаниях прекрасно, или хотя бы только красиво и приятно. Прекрасны тело, молодость и веселость в человеке, – прекрасны вода, свет и лето в природе.

Было лето, стоял светлый, знойный полдень, и на реку Скородень падали тяжелые взоры пламенного Змия. Вода, свет и лето сияли и радовались, сияли солнцем и простором, радовались одному ветру, веющему из страны далекой, многим птицам и двум обнаженным девам.

Две сестры, Елисавета и Елена, купались в реке Скородени. И солнце, и вода были веселы, потому что две девы были прекрасны и были наги. И обеим девушкам было весело, прохладно

и хотелось двигаться, и смеяться, и болтать, и шутить. Они говорили о человеке, который волновал их воображение.

Девушки были дочери богатого помещика. Место, где они купались, примыкало к обширному, старому саду их усадьбы. Может быть, им было особенно приятно купаться в этой реке потому, что они чувствовали себя господами этих быстротекущих вод и песчаных отмелей под их быстрыми ногами. И они плавали и смеялись в этой реке с уверенностью и свободой прирожденных владельниц и госпож. Никто не знает пределов своего господства, – но блаженны утверждающие свое обладание, свою власть!

Они плавали вдоль и поперек реки, состязаясь одна с другою в искусстве плавать и нырять. Их тела, погруженные в воду, представляли восхитительное зрелище, для того, кто смотрел бы на них из сада, со скамейки на высоком берегу, любясь игрою мускулов под их тонкою, эластичною кожею. В телесно-желтом жемчуге их тел тонули розовые тоны. Но розы побеждали на их лицах и на тех частях тела, которые бывали часто открыты.

Берег против усадьбы был отлогий. Росли кое-где кусты, за ними далеко простирались нивы, и на краю земли и неба виднелись далекие избы подгородной деревни. Крестьянские мальчики проходили порою по берегу. Они не смотрели на купающихся барышень. Гимназист, пришедший издалека, с другого конца города, сидел на корточках за кустами. Он называл себя телятиною: не захватил фотографического аппарата. Но, утешая себя, он думал: «Завтра непременно возьму».

Гимназист поспешно глянул на часы – заметить, в какое именно время девицы выходят сюда купаться. Он знал девиц, бывал в их доме у своего товарища, их родственника. Теперь младшая, Елена, нравилась ему больше: пухленькая, веселенькая, беленькая, румяньенькая, ручки и ножки маленькие. В старшей, Елисавете, ему не нравились руки и ноги, – они казались ему слишком большими, красными. И лицо красное, очень загорелое, и вся очень большая.

«Ну, ничего, – думал он, – зато она стройная, этого нельзя отнять».

Около года прошло с той поры, как в городе Скородже поселился отставной приват-доцент, доктор химии Георгий Сергеевич Триродов. О нем в городе с первых же дней говорили много, и больше несочувственно. Неудивительно, что и две розово-желтые черноволосые девушки в воде говорили о нем же. Они плескались водою, подымали ногами жемчужные и алмазные брызги и говорили.

– Как все это неясно! – сказала младшая сестра, Елена. – Никто не знает, откуда его состояние, и что он там делает в своем доме, и зачем ему эта детская колония. Слухи какие-то странные ходят. Неясно, право.

Эти Еленины слова напомнили Елисавете статью, которую она читала на днях в московском философском журнале. У Елисаветы была хорошая память. Она сказала, припоминая:

– В нашем мире не может воцариться разум, не может быть устраниено все неясное.

Она хотела припоминать дальше, но вспомнила вдруг, что для Елены это не будет занимательно, вздохнула и замолчала. Елена взглянула на нее с выражением привычного любования и преклонения и сказала:

– Когда так светло, хочется, чтобы и все было ясно, как здесь, вокруг нас.

– А здесь разве ясно? – возразила Елисавета. – Солнце слепит глаза, вода горит и блещет, и в этом бешено-ярком мире мы даже не знаем, нет ли в двух шагах от нас кого-нибудь, кто за нами подсматривает.

Сестры в это время стояли, отдыхая, по грудь в воде, у лугового берега Скородени. Гимназист на корточках за кустом услышал Елисаветины слова. Он похолодел от смущения и на четвереньках пустился меж кустами от реки, забрался в рожь, засел на меже и притворился, что отдыхает, что даже и не знает, где река. Но никто не замечал его, словно его и не было.

Гимназист посидел и пошел домой с неясным чувством разочарования, обиды, недоумения. Почему-то особенно обидно было ему думать, что для двух купальщиц он был только предполагаемой возможностью, тем, чего на самом деле не было.

Все на свете кончается. Кончилось и купанье сестер. Вышли они обе сразу, и не стовариваясь, из отратно-прохладной, глубинной воды на землю, в воздух, на земное подножие неба, к жарким лобзаниям тяжело и медленно вздымающегося Змия. На берегу они постояли, нежась Змиевыми лобзаниями, и вошли в закрытую купальню, где были оставлены их одежды, одеваться.

Елисаветин наряд был очень прост. Платье, сшитое туникою, без рукавов, не совсем длинное, зеленовато-желтого цвета, и простая соломенная шляпа. Елисавета почти всегда носила желтые платья. Она любила желтый цвет, курослеп и золото. Хотя она и говорила иногда, что носит желтое, чтобы не казаться слишком красною, но на самом деле она любила желтый цвет просто искренно и бескорыстно. Желтый цвет радовал Елисавету. В этом было очень далекое, досознательное воспоминание, словно из иной жизни, прежней.

Тяжелая черная Елисаветина коса была плотно и красиво положена вокруг головы. Сзади коса была высоко поднята и открывала сильно загорелую, стройно поставленную шею. На прекрасном Елисаветином лице было ярко, почти с излишнею силою, выражено преобладание волевой и интеллектуальной жизни над эмоциональною. Был очарователен странно-прямой и длинный разрез губ. Сини были ее глаза, веселые, когда и губы не улыбаются. И веселый, и задумчивый, и нежный был их взгляд. На этом лице казались неожиданно-странными яркий румянец и сильный загар.

Елисавета ждала, когда оденется Елена, медленно ходила по песчаному берегу и всматривалась в однообразные дали. Мелкие, теплые песчинки ласково грели похолодевшие в воде, нагие стопы.

Елена одевалась не торопясь. Так ей нравилось, казалось таким украшающим все, что наденет. Она любовалась розовыми рефlekсами на своей коже, своим нарядным и легким платьем из светло-розовой, почти белой, ткани, широким розовым шелковым поясом, замкнутым сзади перламутровою пряжкой, соломенную шляпою со светло-розовыми лентами, подбитою желтовато-розовым атласом.

Наконец Елена оделась. Сестры поднялись по отлогой дорожке вверх от берега, и ушли, туда, куда влекло их любопытство. Они любили делать продолжительные прогулки пешком. Несколько раз проходили раньше мимо дома и усадьбы Георгия Триродова, которого они еще ни разу не видели. Сегодня им захотелось опять идти в ту сторону, и постараться заглянуть, увидеть что-нибудь.

Сестры прошли версты две лесом. Тихо говорили они о разном и слегка волновались. Любопытство часто волнует.

Извилистая лесная дорожка с двумя тележными колеями открывала на каждом повороте живописные виды. Наконец выбранная сестрами дорожка привела их к оврагу. Его заросшие кустами и жесткою травой склоны были дики и красивы. Из глубины оврага доносился сладкий и теплый запах донника, и виднелись там, внизу, его белые метелки. Над оврагом висел узенький мостик, подпертый снизу тонкими колыями. За мостиком тянулась вправо и влево невысокая изгородь, и в ней, прямо против мостика, видна была калитка.

Сестры перешли мостик, придерживаясь за его тонкие, березовые перильца. Потрогали калитку – заперта. Посмотрели одна на другую. Елисавета, досадливо краснея, сказала:

– Надо вернуться.

– Да, вот и все говорят, что туда не попасть, – сказала Елена, – что надо через изгородь перелезть, да и то не перелезть почему-то. Странно, какие же там у них секреты?

В кустах у изгороди послышался тихий шорох. Ветки раздвинулись. Тихо подбежал бледный мальчик. Быстро глянул на сестер ясными, но слишком спокойными, словно неживыми

глазами. Елисавете показался странным склад его бледных губ. Какое-то неподвижно-скорбное выражение таилось в уголках его рта. Он открыл калитку; кажется, сказал что-то, но так тихо, что сестры не расслышали. Или это легкий ветер прошумел в упругих ветках?

Мальчик скрылся за кустами так быстро, словно его и не было. Так быстро, что сестры не успели ни удивиться, ни сказать спасибо. Точно сама калитка распахнулась, или одна из сестер толкнула ее, не замечая.

Они постояли в нерешительности. Непонятное смущение на короткое мгновение охватило обеих и быстро рассеялось. Любопытство поднялось опять. Сестры вошли.

– Как же он открыл? – спросила Елена.

Елисавета молча и скоро шла вперед. Ей было радостно, что попали. И уже не хотела она думать о бледном мальчике, забыла его. Только где-то, в неясном поле сознания, тускло мерцал белый и странный лик.

Был все такой же лес, как и до калитки, такой же задумчивый, и высокий, и разобщающий с небом, чарующий своими тайнами. Но здесь он казался побежденным человеческою деятельностью жизнью. Где-то недалеко слышались голоса, крики, смех. Кое-где попадались оставленные игры. Тропинки выходили иногда на усыпанные песком широкие дорожки. Сестры быстро шли по извилистой тропинке в ту сторону, откуда сильнее звучали детские голоса, вскрики, смехи и взвизги. Потом все это многообразие звуков стянулось и растворилось в звонком и сладком пении.

Наконец перед сестрами открылась небольшая прогалина овальной формы. Высокие сосны обстали вокруг этой лужайки так ровно, как стройные колонны великолепной залы. И над нею небесная синева была особенно яркою, чистою и торжественною. На прогалине было много детей, разного возраста. В различных местах они сидели и лежали поодиночке, по два, по три. В середине десятка три мальчиков и девочек пели и танцевали, и танец их строго следовал ритму песни и с прекрасною точностью передавал ее слова. Их пением и танцем управляла высокая и стройная девушка с сильным, звучным голосом, роскошными золотистыми косами и серыми веселыми глазами.

Все, и дети, и наставницы их, – которых видно было три или четыре, – одеты были одинаково, совсем просто. Простая и легкая одежда их казалась красивою. На них приятно было смотреть, может быть, потому, что их одежда открывала деятельные члены тела, руки и ноги. Одежда должна защищать, а не закрывать, – одевать, а не окутывать.

Синие и красные пятна шапочек и одежд красиво выделяли светлые тона лиц, рук и ног. И было весело, и казалось, под этою высокою и ясною лазурью, таким праздничным и чистым это обилие ярких и светлых тонов и смело открытого тела.

Несколько детей, из тех, которые не пели, подошли к сестрам и смотрели на них, ласково и доверчиво улыбаясь.

– Можно посидеть, – сказал мальчуган с очень синими глазами, – вот скамеечка.

– Спасибо, миленький, – сказала Елисавета.

Сестры сели. Детям хотелось говорить. Одна маленькая девочка сказала:

– А я сейчас белочку видела. На елке сидела. А я как крикнула! а она как побежит!

И другие начали рассказывать и спрашивать. А те перестали петь, разбежались играть. Золотоволосая учительница подошла к сестрам и спросила:

– Вы из города? Вам у нас нравится?

– Да, у вас хорошо, – сказала Елисавета. – У нас рядом усадьба. Мы – Рамеевы. Я – Елисавета. А это моя сестра, Елена.

Золотоволосая девица покраснела, словно застыдилась, что богатые барышни видят ее нагие плечи и ее босые, до колен открытые ноги. Но увидев, что и барышни, как она, не обуты, она утешилась и улыбнулась.

– Я – Надежда Вещезерова, – сказала она.

И внимательно посмотрела на сестер. Елисавета подумала, что она слышала эту фамилию где-то в городе: что-то рассказывали, не помнила что. Почему-то она не сказала об этом Надежде. Может быть, слышала какую-то тяжелую историю?

Это случилось иногда с Елисаветою, – боязнь спрашивать о прошлом. Кто знает, сколько темного кроется за ясною улыбкою, из какой тьмы возникло цветение, внезапно обрадовавшее взор обманчивою красотою, красотою неверных земных переживаний.

– Легко нашли нас? – спрашивала золотоволосая Надежда, ласково и лукаво улыбаясь. – К нам не так-то просто попасть, – пояснила она.

Елисавета сказала:

– Нам открыл калитку белый мальчик. И так быстро убежал, что мы не успели и поблагодарить. Такой бледный и тихий.

Надежда вдруг перестала улыбаться.

– Да, это – не здешний, – с запинкою сказала она. – Они там живут, у Триродова. Их несколько. Не хотите ли позавтракать с нами? – спросила она, быстро оборвав прежнюю свою речь.

Елисавете показалось, что Надежда хочет переменить разговор.

– Мы здесь живем весь день, и едим, и учимся, и играем, все здесь, – говорила Надежда. – Люди строили города, чтобы уйти от зверя, а сами озверели, одичали.

Горькие ноты зазвучали в ее голосе – отзвуки пережитого? или чутко воспринятое чужое? Она говорила:

– Мы идем из города в лес. От зверя, от одичания в городах. Надо убить зверя. Волки, лисицы, коршуны – хищные, жестокие. Надо убить.

Елисавета спросила:

– Как же убить зверя, который отрастил себе железные и стальные когти и угнезвился в городах? Он сам убивает, и не видно конца его злодействам.

Надежда нахмурила брови, стиснула руки и упрямо повторяла:

– Мы его убьем, убьем.

Глава вторая

Сестры не отказались от угощения. Их напоили и накормили. Они пробыли здесь более часа: весело разговаривали с детьми и с учительницами. Дети были милы и доверчивы. Учительницы, простые и милые, как дети, и такие же, как дети, веселые, казались беспечными и отдыхающими. Но они были постоянно заняты и все успевали заметить, что требовало их внимания. Впрочем, многое дети затевали и исполняли сами, пользуясь какою-то организацией, которая для сестер осталась еще неизвестною.

Здесь с игрою смешивалось учение. Одна из учительниц пригласила сестер послушать то, что она называла своим уроком. Сестры слушали с удовольствием живую беседу по поводу сегодняшних детских наблюдений в лесу. Были еще учительницы, пришедшие откуда-то из глубины леса, – и дети то уходили в лес, то приходили оттуда все иные.

Учительница, которую слушали сестры, окончила свою беседу и вдруг быстро убежала куда-то. И дети ушли за нею. За темною зеленью деревьев мелькали красные шапочки, загорелые руки и ноги учительницы и детей. Сестры остались опять одни. Уже никто не обращал на них особого внимания. Они, видимо, никого не стесняли, никому не мешали.

– Пора уходить, – сказала Елена.

Елисавета встала.

– Что ж, пойдем, – сказала она. – С ними очень интересно и легко, но не все ж тут сидеть.

Уход сестер был замечен. Несколько ребятишек подбежали к ним. Дети весело кричали:

– Мы вас проводим, а то вы заблудитесь.

Когда сестры подошли к выходу, Елисавете показалось, что кто-то смотрит на нее, таясь и дивясь. Она с недоумением, странным и тягостным, огляделась по сторонам. За изгородью, за кустами таились мальчик и девочка. Такие же, как будто бы как и все здешние, но очень белые, словно поцелуи злого Дракона, катящегося в жарком небе, не обжигали их нежной кожи. И мальчик, и девочка смотрели неподвижно, внимательно. Их непорочный взор казался проникающим в самую глубину души, и это почему-то смутило Елисавету. Она шепнула Елене:

– Взгляни, какие странные!

Елена глянула по направлению Елисаветина взора и равнодушно сказала:

– Уродцы.

Елисавета удивилась этому странному определению, – лица этих таящихся детей были, как лица молящихся ангелов.

В это время дети, провожавшие сестер, смеясь и толкаясь, побежали назад. С сестрами остался один мальчик. Он открыл калитку и ждал, когда сестры выйдут, чтобы опять закрыть ее. Елисавета тихо спросила у него:

– Кто это?

Она легким движением головы показала ему на кусты, за которыми таились мальчик и девочка. Веселый мальчуган поглядел по направлению ее взгляда, потом перевел глаза на нее и сказал:

– Там никого нет.

И в самом деле, уже никого не видно было в кустах. Елисавета сказала:

– Но я там видела мальчика и девочку. Оба такие беленькие, совсем не такие загорелые, как вы. Стояли такие смиренные и смотрели.

Веселый черноглазый мальчик внимательно посмотрел на Елисавету, слегка нахмурился, опустил глаза, подумал, опять глянул на сестер внимательно и печально и сказал:

– Там, в главном доме, у Георгия Сергеевича, есть еще тихие дети. Они с нами не бывают. Они – тихие. Не играют. Они были больные. Должно быть, еще не поправились. Я не знаю. Только они отдельно.

Мальчик говорил это медленно и задумчиво, словно дивясь, что там, в доме хозяина, есть иные, тихие дети, которые не приходят играть. Вдруг он весело тряхнул головою, словно отгоняя от себя недолжные мысли, снял свою шапочку и крикнул весело и ласково:

– Счастливого пути, милые сестрицы! Идите вот по этой тропинке.

Он поклонился, убежал, – и уже никого не было около сестер. Они пошли, куда им показал мальчуган. Перед ними открылась тихая долина, и видна была вдали белая стена, за которою таился дом Триродова. Сестры пошли дальше, к этому дому. Перед ними, притаясь за кустами, шел мальчик в белой одежде, словно показывал им дорогу.

Было тихо. Высоко, заслоняясь от людей темно-лиловыми щитами, стоял пламенный Дракон. Он смотрел горячо и злобно из-за обманчивых, зыбких щитов, разливал яркий свет, томил, – и хотел, чтобы ему радовались, чтобы ему слагали гимны. Он хотел царить, и казалось, что он недвижим, что он никогда не захочет идти на покой. Но уже багровая усталость начинала клонить его к западу. И он свирепел, и поцелуи его были знойны, и бешеный взор его багряно туманил девичьи взоры.

Искали девичьи взоры, искали дом Триродова.

Дом Триродова стоял в полутора верстах от городской окраины, не у того конца, где дымные и грязные лежали фабричные слободы, а совсем в противоположной стороне, по реке Скородени выше города Скородожа. Этот дом с усадьбою занимал обширный околоток, обнесенный каменною стеною. Одна сторона усадьбы выходила на реку, другая – к городу, остальные – в поле и в лес. Дом стоял в середине старого сада. Из-за каменного белого высокого забора виднелись только вершины деревьев, и между ними, высоко, две башенки над домом, одна несколько выше другой. Казалось, что кто-то смотрит с этой башни на подходящих сестер.

О доме шла дурная молва еще с того времени, когда он принадлежал прежнему владельцу, Матову, родственнику сестер Рамеевых. Говорили, что дом населен привидениями и выходцами из могил. Была тропинка у дома с северной стороны усадьбы, которая вела через лес на Крутицкое кладбище. В городе дорожку эту называли Навьею тропею, и по ней боялись ходить даже и днем. О ней складывались легенды. Местная интеллигенция старалась их разрушить, но тщетно. Самую усадьбу иногда называли Навьим двором. Иные рассказывали, что своими глазами видели на воротах загадочную надпись: «Вошли трое, вышли двое». Но теперь этой надписи не было. Видны были только над воротами легко иссеченные цифры, одна под другою: наверху 3, потом 2, внизу 1.

Все злые слухи и отговаривания не помешали Георгию Сергеевичу Триродову купить дом. Он переделал дом, а потом и поселился здесь после того, как его сравнительно недолгая учебная служба была грубо прервана. Долго перестраивали и переделывали дом. Из-за высоких стен не видно было, что там делалось. Это возбуждало любопытство горожан и злые толки. Работники были нездешние, приведенные откуда-то издалека. Они не понимали нашей речи, редко показывались на улицах, имели угрюмый вид, были смуглы и малорослы.

– Злые, черные, – говорили в городе, – ножики с собой носят, а в Навьем дворе подземные ходы роют. Сам бритый, как немец, и землекопов изчужа выписал.

– Эта учительница рыженькая, Надежда Вещезерова, мне понравилась, – сказала Елена. Она вопросительно посмотрела на сестру.

– Да, она очень искренняя, – ответила Елисавета. – Хорошая девочка.

– Они все милые, – более уверенно сказала Елена.

– Да, – нерешительно сказала Елисавета. – А вот другая, та, которая от нас убежала, в ней есть что-то не прямое. Точно легкий налет лицемерия.

– Почему? – спросила Елена.

– Так, чувствуется. Слишком любезно улыбается. Слишком ласково. По всему видно, что флегматична, а старается быть очень живою. И словечки порою проскальзывают такие, преувеличенные.

За каменной стеною в саду было тихо. В этот час Кирша был свободен. Но он не мог играть, – не игралось.

Маленький Кирша, сын Триродова от его недавно умершей жены, был смуглый и худенький. У него было слишком подвижное лицо и беспокойные черные глаза. Одет он был, как мальчики в лесу. Он был сегодня неспокоен. Почему-то ему было жутко. Он чувствовал себя так, словно кто-то невидимый его тянет, зовет неслышным шепотом, чего-то требует – чего? И кто это к их дому подходит? Зачем? Друг или враг? Кто-то чужой, – но странно близкий.

В ту минуту, когда сестры вышли от детей в лесу, Кирша был особенно взволнован. Он увидел в дальнем углу сада мальчика в белой одежде и побежал к нему. Они тихо и долго говорили. Потом Кирша пошел к отцу.

Георгий Сергеевич Триродов был дома один. Лежал на диване, он читал роман Уайльда.

Триродову было лет сорок. Он был тонок и строен. Коротко остриженные волосы, бритое лицо – это его очень молодило. Только поближе присмотрясь, могли заметить много седых волос, морщины на лице около глаз, на лбу. Лицо у него было бледное. Широкий лоб казался очень большим – эффект узкого подбородка, худых щек и лысины.

Комната, где читал Триродов, его кабинет, была большая, светлая и простая, с белым, некрашеным, зеркально-ровным полом. Стены были заставлены открытыми книжными шкафами. В стене против окон между шкафами оставалось узкое, человеку стать, место. Казалось почему-то, что там есть дверь, скрытая под обоями. Посередине комнаты стоял стол, очень большой. На нем лежали книги, бумаги и еще несколько странных предметов – шестигранные призмы из неизвестного материала, тяжелые, плотные, темно-красного цвета, с багровыми, синими, серыми и черными пятнами и прожилками.

Кирша стукнул в дверь и вошел, – тихий, маленький, взволнованный. Триродов глянул на него тревожно. Кирша сказал:

– Две барышни там, в лесу. Такие любопытные. По нашей колонии ходили. Теперь им хочется сюда попасть. Походить, посмотреть.

Триродов опустил на страницу романа бледно-зеленую ленту с легко намеченным узором, положил книгу на столик у дивана, взял Киршу за руку, притянул к себе, внимательно посмотрел на него, слегка щурясь, и тихо сказал:

– Опять тихих мальчиков выспрашивал.

Кирша покраснел, но стоял прямо и спокойно. Триродов продолжал упрекать:

– Сколько раз я говорил тебе, что это нехорошо! И для тебя худо, и для них.

– Им все равно, – тихо сказал Кирша.

– Почем ты знаешь? – сказал Триродов.

Кирша дернул плечом и сказал упрямо:

– Зачем же они здесь? На что они нам?

Триродов отвернулся, встал порывисто, подошел к окну и мрачно смотрел в сад. Словно что-то взвешивалось в его сознании, все еще не решенное. Кирша тихонько подошел к нему, так тихо ступая по белому, теплему полу загорелыми стройными ногами с широкими стопами, высоким подъемом и длинными, красиво и свободно развернутыми пальцами. Он тронул отца за плечо, – тихо положил на его плечо загорелую руку – и тихо сказал:

– Ты же ведь знаешь, мой миленький, что я это делаю редко, когда уже очень надо. А сегодня очень я беспокоился. Уж я так и знал, что будет что-то.

– Что будет? – спросил отец.

– Да уж я чувствую, – сказал Кирша просящим голосом, – что надо тебе пустить их к нам. Любопытных-то этих барышень.

Триродов посмотрел на сына очень внимательно и улыбнулся. Кирша, не улыбаясь, говорил:

– Старшая хорошая. Чем-то похожа на маму. Да и другая тоже ничего, милая.

– Зачем же они ходят? – опять спросил Триродов. – Подождали бы, пока их старшие сюда приведут.

Кирша улыбнулся, потом вздохнул легонько и сказал раздумчиво, пожимая плечиками:

– Женщины все любопытны. Что ты с ними поделаешь!

Улыбаясь не то радостно, не то жестоко, спросил Триродов:

– А мама к нам не придет?

– Ах, пусть бы пришла, хоть на минуточку! – воскликнул Кирша.

– Что же нам делать с этими девицами? – спросил Триродов.

– Пригласи их, покажи им дом, – сказал Кирша.

– И тихих детей? – тихо спросил Триродов.

– Тихим детям тоже понравилась старшая, – отвечал Кирша.

– А кто они, эти девицы? – спросил Триродов.

– Да это наши соседки, Рамеевы, – отвечал Кирша.

Триродов усмехнулся и сказал:

– Да, понятно, им любопытно.

Он нахмурился, подошел к столу, взял в руки одну из темных тяжелых призм, слегка приподнял, опять осторожно поставил на место и сказал Кирше:

– Иди же, встретить их и проводи сюда.

Кирша, радостно оживляясь, спросил:

– Через двери или гротом?

– Да, проводи их темным ходом, под землею.

Кирша вышел. Триродов остался один. Он открыл ящик письменного стола, вынул флакон странной формы зеленого стекла с темною жидкостью и посмотрел в сторону потайной двери. В ту же минуту она открылась тихо и плавно. Вошел мальчик, бледный, тихий, и посмотрел на Триродова покойными глазами, тихими, невинными, но понимающими.

Триродов подошел к нему. Упрек зрел на его языке. Но он не мог сказать упрёка. Жалость и нежность приникли к его губам. Он молча дал мальчику флакон странной формы. Мальчик тихо вышел.

Глава третья

Сестры вошли в перелесок. Повороты дорог закружили их. Вдруг пропали из виду башенки старого дома. И все вокруг показалось незнакомым.

– Да мы заблудились, – весело сказала Елена.

– Как-нибудь выйдем, – ответила Елисавета. – Куда-нибудь выйдем.

В это время навстречу им из кустов вышел Кирша, маленький, загорелый, красивый. Черные, сросшиеся брови и неприкрытые шапкою черные вьющиеся на голове волосы придавали ему дикий вид лесного зоя.

– Миленкий, откуда ты? – спросила Елисавета.

Кирша смотрел на сестер внимательно, прямым и невинным взглядом. Он сказал:

– Я – Кирша Триродов. Идите прямо по этой дорожке, – вот и попадете, куда вам надо. Идите за мною.

Он повернулся и пошел. Сестры шли за ним по узкой дорожке меж высоких деревьев. Кое-где цветы виднелись, – мелкие, белые, пахучие. От цветов поднимался странный, пряный запах. Сестрам стало весело и томно. Кирша молча шел перед ними.

Дорога окончилась. Перед сестрами возвышался холм, заросший перепутанною, некрасивою травою. У подножия холма виднелась ржавая дверь, – словно там хранилось что-то.

Кирша пошарил в кармане, вынул ключ и открыл дверь. Она неприятно заскрипела, зевнула холодом, сыростью и страхом. Стал виден далекий, темный ход. Кирша нажал какое-то около двери место. Темный ход осветился, словно в нем зажглись электрические лампочки. Но ламп не было видно.

Сестры вошли в грот. Свет лился отовсюду. Но источников света сестры не могли заметить. Казалось, что светились самые стены. Очень равномерно разливался свет, и нигде не видно было ни ярких рефлексов, ни теневых пятен.

Сестры шли. Теперь они были одни. Дверь за ними со скрипом заперлась. Кирша убежал вперед. Сестры скоро перестали его видеть. Коридор был извилист. Почему-то сестры не могли идти скоро. Какая-то тяжесть сковывала ноги. Казалось, что этот ход идет глубоко под землею, – он слегка склонялся. И шли так долго. Было сыро и жарко. И все жарче становилось. Странно пахло, – тоскливый, чуждый разливался аромат. Он становился все душистее и все томнее. От этого запаха слегка кружилась голова и сердце сладко и больно замирало.

Как долго идти! Все медленнее движутся ноги. Каменный так жесток пол!

– Как трудно идти, – шептала Елисавета, – как жестко!

– Какие жесткие плиты, – жаловалась Елена, – моим ногам холодно.

Так долго шли! С таким усилием влеклись в душном, сыром подземелье! И, казалось, что целый век прошел, что конца не будет, что придется все идти, идти, подземным, узким, извилистым ходом, идти неведомо куда!

Свет меркнет, в глазах туман, темнеет. И нет конца. Жестокий путь!

И вдруг окончен темный, трудный путь! Перед сестрами – открытая дверь, и в нее льется белый, слитный и торжественный свет – радость освобождения.

Сестры вошли в громадную оранжерею. Жили там странные, чудовищно-зеленые и могучие растения. Было очень влажно и душно. Стеклянные стены в железном переплете пропускали много света. Свет казался слишком ярким, беспощадно ярким – так все металось в глаза!

Елена посмотрела на свое платье. Оно казалось ей серым, изношенным. Но яркий свет отвлек ее взоры. Она засмотрелась и забыла о своем. Стекло, зеленовато-голубое небо оранжереи искрилось и горело. Лютый Змий радовался стеклянному плену земных воздыханий. Он бешено целовал свои любимые, ядовитые травы.

– Здесь еще страшнее, чем в подземелье, – сказала Елисавета, – выйдем отсюда поскорее.

– Нет, здесь хорошо, – со счастливою улыбкою сказала Елена, любуясь алыми и багряными цветами, распустившимися в круглом бассейне.

Но Елисавета быстро шла к выходу в сад. Елена догоняла ее и ворчала:

– Куда бежишь? Здесь скамеечки есть, посидеть можно.

Елисавета и Елена вышли в сад. Триродов встретил их на дорожке у оранжереи. Он сказал просто и решительно:

– Вас интересует этот дом и его хозяин. Вот – я, и, если хотите, я покажу вам часть моих владений.

Елена покраснела. Елисавета спокойно наклонила голову и сказала:

– Да, мы – любопытные девушки. Этот дом принадлежал нашему родственнику. Но он стоял заброшенный. Говорят, здесь много перемен.

– Да, много перемен, – тихо сказал Триродов. – Но главное осталось, как было.

– Всех удивляет, – продолжала Елисавета, – что вы решились здесь поселиться. Вас не остановила репутация этого дома.

Триродов повел сестер, показывая им сад и дом. Разговор шел легко и свободно. Первое смущение сестер скоро прошло. Им легко было с Триродовым. Дружески спокойный тон Триродова сломал неловкость в думах сестер. Они шли, смотрели. А вокруг них, близкая, но далекая, таилась иная жизнь. Иногда слышалась музыка – меланхолическое рокотание струн, тихие жалобы флейты. Иногда чей-то свирельный голос заводил нежную и тихую песню.

На одной лужайке, в густой тени старых деревьев, закрытые от грубого пламенного Змия отрадную тьмою листвы, в тихом хороводе кружились мальчики и девочки в белых одеждах. Сестры подошли, – дети разбежались. Так тихо убежали, едва колыхнули, задевши, ветки, исчезли, – и точно их и не было.

Сестры шли, слушали Триродова и любовались садом – его деревьями, лужайками, прудами, островками, тихо журчащими фонтанами, живописными беседками, многоцветною радостью цветущих куртин. Сестры чувствовали странную, томную усталость. Но им было весело и радостно, что они попали в этот замкнутый дом, – как-то по-школьнически весело, что вошли сюда с нарушением общепринятых правил хорошего общества.

Когда вошли в одну комнату в доме, Елена воскликнула:

– Какая странная комната!

– Магическая, – с улыбкою сказал Триродов.

Странная комната, – все в ней было неправильно: потолок покатый, пол вогнутый, углы круглые, на стенах непонятные картины и неизвестные начертания. В одном углу большой, темный, плоский предмет в резной раме черного дерева.

– Зеркало, в которое интересно смотреть, – сказал Триродов. – Только надо зайти туда, в треугольник, к стене, – к углу.

Сестры зашли, глянули в зеркало, – в зеркале отразились два старые морщинистые лица. Елена закричала от страха. Елисавета побледнела, обернулась к сестре и улыбнулась.

– Не бойся, – сказала она. – Это какой-то фокус.

Елена посмотрела на нее и в ужасе закричала:

– Ты совсем старая стала! Волосы седые. Какой ужас!

Она бросилась из-за зеркала, крича в страхе:

– Что это такое? Что это?

Елисавета вышла за нею. Она не понимала случившегося, волновалась, старалась скрыть свое смущение. Триродов смотрел на них просто и спокойно. Он открыл шкаф, вделанный в стену.

– Успокойтесь, – сказал он Елене, – выпейте этой воды, которую я вам дам.

Он подал ей стакан с бесцветною, как вода, жидкостью. Елена поспешно выпила кислосладкую воду, и вдруг ей стало весело. Выпила и Елисавета. Елена бросилась к зеркалу.

– Я опять молодая! – закричала она звонко.

Выбежала, обняла Елисавету, говорила весело:

– И ты, Елисавета, помолодела.

Буйная веселость охватила обеих сестер. Они схватились за руки и принялись плясать, кружась по комнате. И вдруг им стало стыдно. Они остановились, не знали, куда глядеть, и засмеялись смущенно. Елисавета сказала:

– Какие мы глупые! Вам смешно глядеть на нас, да?

Триродов ласково улыбнулся.

– Такое свойство этого места, – сказал он. – Ужас и восторг живут здесь вместе.

Много интересных вещей сестры видели в доме – предметы искусства и культа, – вещи, говорящие о далеких странах и о веках седой древности, – гравюры странного и волнующего характера, – многоцветные камни, бирюза, жемчуг, – кумиры, безобразные, смешные и ужасные, – изображения Божественного Отрока, – как многие его рисовали, но только одно лицо поразило Елисавету...

Елену забавляли вещи, похожие на игрушки. Много есть вещей, которыми можно играть, смешивая магиею отражений времена и пространства.

Так много видели сестры, – казалось, прошел целый век. Но на самом деле сестры пробыли здесь только два часа. Мы не умеем измерять времен. Иной час – век, иной час – миг, а мы уравнивали.

– Как, только два часа! – сказала Елена. – Да это страшно много. Пора домой, к обеду.

– А нельзя опоздать? – спросил Триродов.

– Как можно! – воскликнула Елена.

Елисавета объяснила:

– Час обеда у нас строго соблюдается.

– Вас довезут, – сказал Триродов.

Сестры поблагодарили. Но надо было уходить. Они сразу почувствовали усталость и печаль, простились с Триродовым и молча пошли. Мальчик в белой одежде шел перед ними в саду и показывал дорогу.

Опять вошли сестры в тот же подземный ход, увидели мягкое ложе и вдруг почувствовали такую слабость, что шагу не сделать.

– Сядем, – сказала Елена.

– Да, – ответила Елисавета, – я тоже устала. Как странно! Какое утомление!

Сестры сели. Елисавета говорила тихо:

– Здесь неживой падает на нас свет из неизвестного источника, и он страшен, – но теперь мне еще страшнее грозный лик чудовища, горящего и не сгорающего над нами.

– Милое солнце, – тихо сказала Елена.

– Оно погаснет, – говорила Елисавета, – оно погаснет, несправедное светило, и в глубине земных переходов люди, освобожденные от опаляющего Змия и от убивающего холода, вознесут новую, мудрую жизнь.

Елена шептала:

– Когда земля застынет, люди умрут.

– Земля не умрет, – так же тихо ответила Елисавета.

Сестры заснули. Они спали недолго, но когда проснулись, обе вдруг, все, что было сейчас, казалось им сном. Они заторопились.

– Давно пора возвращаться, – озабоченно говорила Елена.

Они побежали. Дверь из подземного хода была открыта. У выхода на дороге стоял шарабан. Кириша сидел и держал вожжи. Сестры уселись. Елисавета стала править. Кириша короткими словами говорил дорогу. Говорили мало, – слово, два скажут и молчат.

У своей усадьбы сестры вышли из экипажа. Их обнимало полусонное настроение. Не успели и поблагодарить, – так быстро уехал Кириша. Только пыль влеклась по дороге, и слышался стук копыт да шуршанье колес по щебню.

Глава четвертая

Сестры едва успели переодеться к обеду. Усталые и рассеянные, вышли они в столовую. Там уже их ждали – отец, землевладелец Рамеев, и Матовы, студент Петр Дмитриевич и гимназист Миша, сыновья двоюродного брата Рамеева, ныне умершего, которому принадлежала прежде усадьба Триродова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.